

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Елена ЛАНКИНА

Не моя охота

ПО ЕЕ КНИГЕ СОБИРАЛИСЬ СНИМАТЬ
РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ «ОДНАЖДЫ
В АМЕРИКЕ». ПОЛУЧИЛАСЬ
МЕЛОДРАМА «ОХОТА НА ИЗЮБРЯ»

Гвоздем октябрьской программы Первого канала стал сериал «Охота на изюбря». Судя по рейтингам, российскому зрителю пришлось по душе многосерийная сага о борьбе за Ахтарский металлургический комбинат. Как оказалось, популярный сериал не смотрит только писательница Юлия ЛАТЫНИНА — автор романа, по которому он и был снят.

— Вы принципиально дистанцируетесь от телевизионной версии своего романа?

— Можно считать и так. Слишком много надежд возлагалось когда-то на этот сериал — не только мной, но и генеральным директором Первого канала Константином Эрнстом. Не хочу называть имен, но несколько дней назад одно из так называемых лиц канала сказала мне с печальным вздохом: «А ведь по мотивам твоей книжки можно было сделать «Однажды в Америке»... Именно об этом и шла речь, когда мы начинали работать с Эрнстом! Но я почти не принимала участия в работе над сценарием. Посмотрев то, что написал другой автор, я поняла, что это совсем не моя «Охота на изюбря», а нечто среднее между «Богатые тоже плачут» и «Следствие ведут знатоки».

— Боевик из жизни новых русских?

— Да, к сожалению, представления об экономических процессах, происходящих в нашем обществе, автор сценария почерпнул из миллионного сериала начала 70-х «Следствие ведут знатоки», а представления о том, как живут состоятельные люди, — из сериала «Богатые тоже плачут». Я понимаю, что превосходная игра актеров может вытащить даже такой сценарий, но это не то, что хотели увидеть я и руководство Первого канала!

— Наверное, ваш роман слишком сложен для телевидения и потому обречен на неизбежное упрощение?

— Дело не в упрощении. Этот сериал грешит неточностями в изображении отношений героев. Когда я читала сценарий, меня резанули не экономические глупости, а комичное понимание чужой жизни. У многих моих друзей, представляющих, как устроен этот пласт жизни, возникает схожая реакция. Я понимаю, что установка на мелодраму была взята в расчете на кассу, но если бы сериалом занимались другие люди, все было бы иначе. Наверное, если бы Джаник Файзиев не был занят «Турецким гамбитом», мы бы увидели принципиально другой продукт.

— С вами случилось то же самое, что и со многими другими писателями. Обычно автор книги не может вмешиваться в процесс ее экранизации.

ДОСЬЕ

Юлия Леонидовна Латынина — журналист, теле- и радиоведущая, кандидат экономических наук, автор экономических триллеров. В 1999 году Русский биографический институт удостоил Юлию Латынину звания «Человек года» «за успехи в экономической журналистике». Первые детективные романы Юлии Латыниной были опубликованы под псевдонимом «Евгений Климович». С конца 90-х книги издаются под собственным именем автора. Самые известные среди них: «Охота на изюбря», «Иров день», «Промзона», «Джаханнам, или До встречи в аду».

— Уверю вас, что я не повторю эту ошибку со следующим сериалом, который будет сниматься по книге «Промзона». Первую серию мы с продюсером Александром Атанесяном переписывали уже раз пятнадцать, причем все пятнадцать вариантов в корне отличаются друг от друга. Мои продюсеры немало изумлены тем, что я легко иду на переделки и готова

завтра же принести полностью переработанный вариант.

— Я вижу, вы увлеклись сценарной работой! А как же книжки?

— Работая над первой серией «Промзоны», я закончила свою новую повесть «Ниязбек». Это было нелегкое испытание, потому что действие «Промзоны» происходит в Сибири, а действие «Ниязбека» — на Кавказе, и мне было очень сложно переключаться с одного на другое. Но выбора не было — книжка должна выйти буквально через десять дней! Главный герой «Ниязбека», причем положительный герой, похож одновременно на классического абрека из позапрошлого века и современного бригадного генерала. Он истовый мусульманин, ничего не имеющий против России, но желающий жить так, как считает нужным. Возвращаясь от «Нияз-

бека» к сценарию, я не могла понять, почему мои сибиряки в «Промзоне» занимаются какой-то ерундой! Ходят в арбитражный суд и прокуратуру вместо того, чтобы разобраться со своими обидчиками по-мужски!

— В сознании основной массы читателей вы — автор экономических детективов. Отчего же вдруг взялись за кавказскую тему?

— Мне хотелось показать, что представляет собой сильный человек на Кавказе. Сильный и нейтральный, не склоняющийся ни на сторону сепаратистов, ни на сторону русских. Мы смотрим на Ниязбека глазами русского полпреда президента Панкова, абсолютно не понимающего мир, в котором он оказался. Первое, что он видит на Кавказе, — это драка двух министров. Никто из окружающих не считает, что происходит нечто чрезвычайное. Идет дискуссия! Панкову требуется немало усилий, чтобы понять, что кавказцы живут иначе, чем русские, что у них есть некий свод правил, который они не нарушают. Эти правила оказываются сильнее хаоса, царящего в России.

— Вы демонстрируете глубокое знание предмета. Работая над книгой о Кавказе, вы основывались на чьих-то рассказах или у вас были другие источники?

Я понимаю, что превосходная игра актеров может вытащить даже такой сценарий, но это не то, что хотели увидеть я и руководство Первого канала!

— Я достаточно часто езжу на Кавказ и знаю много вещей, о которых не знают журналисты. И все равно сейчас я сама удивляюсь, что написала эту книжку. Наверное, в повести есть ошибки, но пока я почти не слышала критических замечаний. И это меня даже пугает.

— А зачем вы ездите на Кавказ? Это место опасное для столичных писательниц.

— Столичная писательница всегда считала, что история творится не в столице. На Кавказ я поехала из-за ясного ощущения, что именно там решается судьба России. В XIX веке Россия сумела выстроить имперскую модель взаимоотношений с Кавказом. Советский Союз постарался создать другую модель — уравнивавшую разные народы. Худо-бедно, но эта модель тоже действовала. Недаром многие кавказцы сейчас с тоской вспоминают старые времена, когда родовым обычаям было противопоставлено единое для всех правосудие. Сейчас на Кавказе творятся страшные дела, самым простым из которых можно считать религиозный экстремизм. Но религиозный экстремизм — всего лишь симптом болезни, а не сама болезнь. У нас происходит тотальный распад государства. В России с этим ничего поделать нельзя — нет альтернативы, а на Кавказе альтернатива есть — родовое общество. Родовое общество идеально приспособлено к ситуации, когда отсутствует государство. В России уже нет ни государства, ни общества, как

нет и оппозиции существующему бардаку, а та, что есть, — малочисленна и не готова умирать. На Кавказе оппозиция хорошо организована и готова умирать, потому что за Аллаха умирать легче, чем за демократические идеалы. Эта колоссальная разница между Россией и Кавказом и дает ту трещину, по которой может разломиться наша страна. Кавказ — замковый камень в своде Российской империи.

— Как вы думаете, насколько хорошо представляют себе то, что происходит на Кавказе, обычные русские граждане, наблюдающие за событиями по телевизору?

— Те, кто вырос на Кавказе, прекрасно понимают, что скрывается за бодрими репортажами новостных программ. Остальные — нет. Власть боится отдавать себе отчет в том, что творится на Кавказе, и делает вид, что там идет «мирный процесс». Во время этого процесса то школу в Беслане захватят, то Кадырова убьют. Смешно слушать, когда президент Путин в Дагестане говорит, что нам нужны горные бригады, чтобы охранять Россию от боевиков, вторгающихся извне. Я не спорю, арабские эмиссары на Кавказе есть, но роль их сильно преувеличена. И господин Хаттаб никогда не достиг бы такого положения у чеченцев, если бы не разбрасывал сумасшедшие бабки. Уверю вас, гордый чеченский народ не потерпит рядом с собой даже сравнительно близких ему аварцев или карачаевцев. Опас-

ность грозит нам не снаружи, а изнутри, а наша общественность с большой неохотой приоткрывает крышку над кавказским котлом, предпочитая не задумываться о том, что там варится. Стереотипное представление русского националиста о том, что все чеченцы убийцы, и потому мы с ними дела иметь не будем, тоже зиждется на испуге перед Кавказом. Русский националист слишком хорошо понимает, что, пытаясь убить кавказца, он получит проблемы со стороны двух сотен его родственников, что куда страшнее проблем с русским правосудием.

— У вашей книги счастливый конец? Или вы считаете вполне реальным отделение Кавказа от России?

— Я считаю вполне реальным продолжение бардака. Такое отделение будет сопровождаться одной временной резней в трех-четыре точки Кавказа, причем резать будут не только русских. И связано оно будет не только с религиозным экстремизмом. Просто Кавказ — это не Ивановская область. Там людям нельзя плевать в лицо. На самом деле, есть немало причин для того, чтобы Кавказ оставался в составе России. И прежде всего — огромные деньги, которые Кавказ получает от Москвы. Мне очень хотелось, чтобы у моей повести был счастливый конец. Я очень старалась, но люди ведут себя совсем не так, как хочется автору, и конец у книги получился совсем не счастливый.

Екатерина Гусева, Александр Балуйев, Дмитрий Нагиев — герои нового времени